Шушеначев А.В.**Некоторые аспекты цифровизации в правовой сфере***Сибирский Федеральный университет
(Россия, Красноярск)*

doi: 10.18411/trnio-10-2021-128

Аннотация

В данной статье мы рассмотрим некоторые моменты цифровизации отношений субъектов права, как во внесудебной сфере, так и в сфере процессуальной. Также анализируем международный опыт для синхронизации подходов в едином цифровом пространстве. Выделяют четыре основных модели регулирования отношений юридических лиц в зарубежной практике. Особый интерес представляет опыт внедрения цифровизации в юридическую практику, в частности, в практику процессуальную. Здесь представляется необходимыми дальнейшие разработки как в теории права, так и в юридической практике

Иными словами, цифровизация судопроизводства существенно отстает от цифровизации хозяйственных отношений субъектов права, что не может не вызывать беспокойство. Представляется насущно необходимым дальнейшее развитие информационных технологий в судопроизводстве, чему может способствовать научная разработка концепции формирования единой цифровой среды судопроизводства, в том числе и уголовного.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, уголовный процесс, электронный формат, теория права, юридическая практика, зарубежный опыт.

Abstract

In this article, we will consider some aspects of the digitalization of relations between legal entities, both in the non-judicial sphere and in the procedural sphere. We also analyze international experience for synchronizing approaches in a single digital space. There are four main models of regulating the relations of legal entities in foreign practice.

There are four main models of regulating the relations of legal entities in foreign practice. Of particular interest is the experience of implementing digitalization in legal practice, in particular, in procedural practice. Here it seems necessary to further develop both in the theory of law and in legal practice

In other words, the digitalization of legal proceedings significantly lags behind the digitalization of economic relations of legal entities, which cannot but cause concern. It seems urgently necessary to further develop information technologies in legal proceedings, which can be facilitated by the scientific development of the concept of forming a unified digital environment of legal proceedings, including criminal proceedings.

Keywords: digitalization, information technologies, criminal procedure, electronic format, theory of law, legal practice, foreign experience.

Развитие эпохи цифровизации ставит множество вопросов перед субъектами различных сфер человеческой деятельности. «Цифра» как таковая охватывает все сферы жизни общества и, в первую очередь, экономики. Регламентация отношений между соответствующими субъектами требуется не только в рамках отдельного государства, страны, но и на международной арене, поскольку глобальная цифровизация расширяет границы взаимоотношений, позволяя действующим лицам не быть привязанным географически к определенной территории, стране или же сфере производства. Здесь необходимо не только выстроить институциональные формы цифровых взаимоотношений субъектов, но и изучить международный опыт для синхронизации подходов между странами в едином цифровом пространстве.

В данной статье мы рассмотрим некоторые моменты цифровизации отношений субъектов права как во внесудебной сфере, так и в сфере процессуальной.

В первом аспекте наибольшее значение имеет международный опыт регламентации отношений субъектов экономики. В большинстве зарубежных стран вопросы регулирования отношений в цифровой экономике регламентируются в рамках институциональных основ, в частности на уровне закреплённых юридически законодательных актах. Более того, многие страны, с объявлением эпохи цифровой экономики, сформировали свои стратегические решения. В рамках уровня подзаконных актов на общегосударственном и национальном уровнях.

Можно выделить четыре основных модели регулирования отношений юридических лиц в зарубежной практике. Одной из передовых стран в цифровизации является **Великобритания**. Опыт, данный страны заложен в первую модель регламентации отношений между субъектами права: «Институциональная модель». Основными чертами данной модели является институциональное закрепление специальными законами (например, Закон Великобритании «О цифровой экономике» (Digital Economy Act of 2017)[1]). Регламентация отношений в рамках единой коммуникационной инфраструктуры; ориентация на создание и использование возможностей цифровизации всеми субъектами права, начиная от простого гражданина, заканчивая корпорацией; регламентация отношений между устройством и человеком, либо взаимодействие между людьми с помощью соответствующих устройств.

Вторая модель регулирования отношений в условиях цифровизации «Базовая модель». Данная модель предполагает принятие различных подзаконных актов (например, **Республика Беларусь**), которые устанавливают краткосрочные и долгосрочные перспективы регулирования отношений в цифровой сфере (например, Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»)[2]; формирование специального правового режима деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий; предоставление субъектам права, использующим цифровые активы различных льгот и преференций от лица государства в качестве поддерживающего стимула цифровизации; привлечение всех субъектов к использованию цифровых активов для взаимодействия.

Третья модель регулирования отношений известна как **Общенациональная модель**. Данная модель получила свое применение в таких странах как Австралия, Эстония и др.. В рамках данной модели отношения регулируются на основе национальной стратегии цифровизации. Например, в Австралии (Digital Economy Strategy [3] от 19.09.2017 г.) адаптируются отношения на основе использования современных цифровых возможностей с постулатом «на благо общества»; обеспечения массовой доступности цифровых активов для граждан и производителей; поддержки бизнеса в использовании новейших цифровых активов; обеспечении безопасности сделок в электронной форме и сохранности передаваемых цифровых данных. При этом, как правило, в таких странах по опыту «институциональной модели» используются активно различные цифровые платформы для анализа потребностей общества, что активно используется не только государством для формирования своей политики, но корпорациями при реновациях производимого продукта.

Четвертая модель регулирования отношений: **Региональная модель**. В рамках данной модели в странах регулирование отношений между субъектами осуществляется на уровне отдельных административно-территориальных единиц (например, Малайзия). Модель предполагает регламентацию таких вопросов, как стимулирование развитие в регионе использования цифровых активов; пропагандирование преимуществ использования цифрового актива. Как таковые, отношения между субъектами в рамках данной модели не регламентируются, а лишь стимулируется сама цифровизация.

Цифровизация экономики сегодня охватывает все страны мира, все государства. Цифровизация промышленности, отношений возникающих между субъектами экономики в промышленности, и не только, реализуется в различных странах мира, поскольку данный тренд стал своего рода стимулом в гонке за выживание любой страны на современном этапе развития. Отношения регулируются между субъектами в основном на межгосударственном

уровне. Так, например, в ЕС только в 2017 году насчитывалось порядка тридцати программ национального и регионального характера, свойственных для различных моделей цифровизации отношений между субъектами права в экономике.

В Евросоюзе имеются действующие общенациональные программы цифровизации в этой сфере:

- Австрия – Industrie 4.0 Oesterreich;
- Бельгия – Made different – Factories of the future;
- Чехия – Průmysl 4.0;
- Германия – Industrie 4.0, Smart Networking Strategy, Digital Agenda;
- Дания – Manufacturing Academy of Denmark (MADE);
- Испания – Industria Conectada 4.0;
- Франция – Alliance pour l'Industrie du Futur/Nouvelle France Industrielle;
- Венгрия – IPAR4.0 National Technology Initiative;
- Италия – Industria 4.0 и Fabbrica Intelligente;
- Люксембург – Digital For Industry Luxembourg;
- Нидерланды – Smart Industry;
- Словакия – Smart Industry;
- Португалия – Indústria 4.0;
- Швеция – Smart Industry.

Наибольший интерес программ цифровизации, с точки зрения ряда исследователей [4], представляет программа Нидерландов [5], несмотря на передовиков Евросоюза, таких, как Великобритания и Германия. Тем не менее, пионером цифровизации промышленности является Германия, поскольку сформировала свою программу цифровизации еще в 2011 году.

Цифровизация в этой сфере в Нидерландах осуществляется также, как и во многих странах при поддержке Правительства. Но при этом оно ставит следующие ключевые направления во главу угла: рост конкурентоспособности промышленности; рост производительности; рост занятости в промышленности; рост эффективности бизнес-климата промышленных предприятий с привлечением высокотехнологичных инструментов и технологий, в том числе с привлечением высокотехнологичных компаний. Данные аспекты закреплены на высшем уровне власти [6].

Одной из особенностей взаимоотношений между производителями в рамках цифровизации промышленности в Нидерландах является создание экосистем (smart ecosystems). Данные экосистемы Field Labs направлены на укрепление отношений между корпорациями и научно-образовательными учреждениями. Практическая значимость экосистем заключается в том, что при поддержке правительства страны промышленность совместно с малым бизнесом, научными организациями осуществляла экспериментальные разработки, тестирование, коммерческое внедрение на рынок новых продуктов «smart industry». Тем самым, государство способствовало развитию открытых отношений между различными субъектами в рамках цифровизации. В 2019 году таких Field Labs насчитывается порядка 29 шт.

Россия также стремится поддерживать дух цифровизации, по крайней мере, в сфере экономики. В частности, базовые направления цифровизации [7] закреплены в программе «Цифровая экономика Российской Федерации».

В последнее время ведущие страны мира стремятся найти единые решения по выработке механизмов регулирования отношений и процессов цифровизации. Так, например, Евросоюз формирует единый цифровой рынок Европы [8]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что любая страна мира не упускает шанс в рамках цифровизации. Практически все страны мира стремятся путем институциональных мер закреплять порядок регулирования отношений между субъектами права. Эффективность

данной регламентации оценить возможно будет только спустя время, поскольку эффект от цифровизации требует времени.

Особый интерес представляет опыт внедрения цифровизации в юридическую практику, в частности, в практику процессуальную. Например, введение в процесс технологии удостоверения процессуальных документов его участниками в электронной форме вместо подписи позволит в онлайн-режиме осуществлять различные процессуальные действия, а также подтверждать их, что, в свою очередь, расширяет возможности дистанционного обеспечения их прав и законных интересов.

В ряде стран мира в этом направлении уже достигнут существенный прогресс.

В **Великобритании**, в частности, впервые в истории, имел место дистанционный судебный процесс, где судья, истец и представитель ответчика взаимодействовали посредством специальной «закрытой» сети, разработанной по заказу Министерства юстиции Соединенного королевства [9].

Не так давно (в 2011–2012 гг.) в **Казахстане** внедрена электронная регистрация информации о преступлениях (КУЗ). В 2015 г. был создан также Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР). Сегодня каждый уголовный процесс в этой стране начинается. Пилотный проект «Е-уголовное дело» инициирован прокуратурой республики в кооперации с Комитетом государственных доходов по Астане и области. Особое внимание при этом обращается на информационную безопасность новых систем [10].

В **Саудовской Аравии** за последние десять лет осуществлен переход к цифровизации уголовного процесса: срок расследования в итоге сокращен в среднем на 80%. Расследование большинства дел в результате заканчивается, в среднем, за два дня.

В Уголовно-процессуальном Кодексе **Азербайджана** введен порядок производства «электронного уголовного дела».

Аналогичная реформа (переход к электронному формату уголовного дела) в правоохранительной сфере в 2011 г. осуществлена в **Грузии**. Заметного прогресса добились также **Эстония, Сингапур, Южная Корея**, и некоторые другие страны.

Идея принятия юридических решений в уголовном судопроизводстве с **использованием математических методов и алгоритмизации** не нова и имеет как своих противников, так и сторонников. Отдельно взята такая идея проигрывает при столкновении с противниками, которые боятся потерять усмотрение правоприменителя, обладающего в то же время высокой степенью коррупционного риска. Однако в общем контексте разработки использования электронных (цифровых) средств уголовного судопроизводства все выглядит вполне логично.

О необходимости использования в уголовном и уголовно-процессуальном праве математических методов и алгоритмов говорилось достаточно давно, задолго до современного развития информационных технологий. К сторонникам данного направления развития юридической науки и практики следует отнести следующих ученых А.А. Арямов, Д.С. Дядькин, В.И. Курляндский, С.Г. Ольков, Н.Д. Оранжев, Чижов М.В. и других. Не углубляясь, в конкретные разработки математических методов назначения наказаний и обобщив их принципиальные подходы можно выделить следующие направления: балльная система; шкалирование; выстраивание отношений с помощью математических формул.

Проблема освободить судью при вынесении приговора от усмотрения является краеугольным камнем системы уголовного правосудия в странах общего права. Ряд авторов создали информационную систему наказаний для предоставления судьям юридических, фактических и статистических данных. Цель системы не лишить судью своего усмотрения, но лучше информировать его, и таким образом добиться согласованности подходов по всей юрисдикции. В их работе на конкретных примерах показано как применяется такая информационная система [11].

Надо отметить, что цифровизация в сфере права в России осуществляется недостаточно интенсивно: в особенности это касается цифровизации процессуальной сферы

и, в частности, уголовного процесса. Здесь представляется необходимыми дальнейшие разработки как в теории права, так и в юридической практике.

Иными словами, цифровизация судопроизводства существенно отстает от цифровизации хозяйственных отношений субъектов права, что не может не вызывать настороженности. Представляется насущно необходимым дальнейшее развитие информационных технологий в судопроизводстве, чему может способствовать научная разработка концепции формирования единой цифровой среды судопроизводства, в том числе и уголовного.

1. Digital Economy Act of 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/30/contents/enacted> (дата обращения: 5.04.2021).
2. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/uploads/doc/%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%828.pdf> (дата обращения: 5.04.2021).
3. Digital Economy Strategy of 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://consult.industry.gov.au/portfolio-policy-and-innovation-strategy/the-digital-economy/> (дата обращения: 5.04.2021).
4. Истомина Е.А. Современный международный опыт регулирования отношений между производителями в цифровой среде / МЭЖ, 2019. № 2.
5. Smart Industry. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.smartindustry.nl/> (дата обращения: 5.04.2021).
6. Landheer, Guido (Dutch Ministry of Economic Affairs). Digital revolution in industry. The Dutch approach. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/guido_landheer.pdf (дата обращения: 5.04.2021).
7. Государственная программа «Цифровая экономика в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://rossvyaz.gov.ru/deyatelnost/gosudarstvennye-programmy/gosudarstvennaya-programma-cifrovaya-ekonomika-rossiiskoi-federacii> (дата обращения: 5.04.2021).
8. Digitising le market – digitising European industry. [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-1409_en.htm (дата обращения: 5.04.2021).
9. Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в уголовном судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 19.
10. Квач А. Первый виртуальный судебный процесс по британскому праву. [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/article/28032018/pervyj-virtualnyj-sudebnyj-process-po-britanskomu-pravu> (дата обращения: 5.04.2021).
11. Potas I. Informing the discretion: the sentencing information system of the judicial commission of New South Wales / I. Potas, D. Ash, M. Sagi, S. Cumines, N. Marsic // International Journal of Law and Information Technology. 1998. Vol. 6 (2). P. 99-124.

Яковлева Е.В.

Некоторые аспекты социально-правовой защищенности сотрудников полиции

*Барнаульский юридический институт МВД России
(Россия, Барнаул)*

doi: 10.18411/trnio-10-2021-129

Аннотация

В настоящей статье автор говорит об актуальности социальной защиты сотрудников полиции, о зависимости их эффективной деятельности от существующих гарантий административно-правового статуса. Анализируя существующие социальные гарантии, автор делает вывод об их реализации в настоящее время, а также формулирует вывод касательно рассматриваемой проблематики.

Ключевые слова: социальные гарантии, социальная защита, сотрудник полиции, льготы, выплаты.

Abstract

In this article, the author speaks of the relevance of the social protection of police officers, to the dependence of their effective activities on the existing guarantees of administrative and legal